

КОНФЛИКТЫ УГЛУБЛЯЮТСЯ

В начале 1859 года в Петербурге было основано (по инициативе А. В. Дружинина) Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым. 2 февраля состоялось первое собрание членов-учредителей, среди которых были Тургенев, Дружинин, Анненков, Чернышевский, Никитенко, Краевский, подписавшие проект устава общества и наметившие его будущих руководителей (членов комитета). Вскоре это общество приобрело известность под менее официальным названием - Литературный фонд.

О втором собрании его учредителей мы узнаем из записки Тургенева посланной 9 февраля Е. П. Ковалевскому: "Любезный Егор Петрович, сегодня у меня на квартире (в 5 часов) обед основателей Литературного фонда. Все положили Вас непременно звать..." Ковалевского звали не напрасно - вскоре он был избран первым председателем нового общества - Литературного фонда. Писатель и путешественник Ковалевский еще в 40-х годах сотрудничал в "Современнике" и пользовался уважением в кругу литераторов. Брат его Евграф Петрович был в эти годы (1858-1861) министром просвещения, в его ведении находилась цензура; эту родственную связь не раз использовали Некрасов и другие литераторы. На фотографии, запечатлевшей членов первого комитета Литературного фонда, Ковалевский сидит в центре, в генеральских эполетах. С первых дней существования Литературного фонда и до конца жизни Некрасов принимал участие в его деятельности.

В феврале 1862 года он был избран в члены комитета Литературного фонда вместо заболевшего Дружинина. Как редактор журнала Некрасов отчислял ежегодно (согласно уставу) одну копейку с подписчика, но, кроме того, делал и добровольные взносы, пополняя кассу фонда, в помощи которого нуждались неимущие или больные литераторы, начинающие писателя.

Немалое общественное значение имели тогда литературные вечера или чтения, организованные в пользу Литературного фонда в зале Пассажа. Современники рассматривали эти чтения как событие. Попасты на вечера было трудно, ибо зал был невелик и все билеты расхватывали накануне. Интерес же к столь новому делу - прямому общению писателей с читателями - огромен. Тем более что в чтениях участвовали почти все корифеи тогдашней литературы - Тургенев, Гончаров, Писемский, Достоевский, Островский, Некрасов, Шевченко, Майков, Полонский. Интерес публики подогревался не только тем, что она "впервые могла видеть своих любимцев" (слова Л. Ф. Пантелеева), но и тем, что многие тогдашние литераторы были отличными чтецами. Первоклассным мастерством в исполнении своих произведений славились, например, Островский и Писемский.

Первый литературный вечер в Петербурге состоялся в воскресенье 10 января 1860 года (организация его была поручена Тургеневу). За день до этого газета "Русский инвалид" поместила объявление, извещавшее о вечере и его программе. Здесь было указано, что Некрасов прочтет стихотворения "Еду ли ночью по улице темной..." и "Филантроп".

Первым на эстраде появился Полонский, прочитавший два стихотворения. Затем вышел Тургенев, "с заметной проседью, но еще во всей красе сорокалетнего возраста" (слова очевидца), встреченный взрывом рукоплесканий.

"... Что было, и описать нельзя", - отметила в дневнике находившаяся среди слушателей Е. А. Штакеншнейдер. - Тургенев только успевал раскланиваться. Когда же установилась тишина, он сказал:

- Как ни глубоко тронут я знаками высказанного мне сочувствия, но не могу всецело принять его на свой счет, а скорее вижу в нем выражение сочувствия к нашей литературе.

Вслед за тем Тургенев прочел свою речь "Гамлет и Дон-Кихот" и ушел, снова провожаемый рукоплесканиями. На другой день он писал дочери Полине в Париж: "Твоему отцу

неистово аплодировали, что заставило его с глупейшим видом бормотать не помню уж какие слова благодарности".

После Тургенева выступили со стихами Майков и уже полузабытый Бенедиктов, имевший, однако, неожиданный успех. "Странная это штука - публика", - заметила по этому поводу та же мемуаристка. Впрочем, стихи Бенедиктова в данном случае были вполне в духе времени, в них выражалось сочувствие "живой мысли" и "живому слову" {Увидев особый интерес слушателей к двум стихотворениям, прочитанным Бенедиктовым ("Борьба" и "И ныне"), Некрасов тут же попросил их у автора и успел включить в случайно задержавшийся январский номер "Современника" - поступок истинного журналиста. Здесь же была помещена давно обещанная Некрасову статья Тургенева "Гамлет и Дон-Кихот" - последнее его выступление в некрасовском журнале.}

Только после них вышел Некрасов. Обычно он произносил свои стихи протяжно, нараспев. "Читал он тихим, замогильным голосом", - говорит один из его слушателей. Он действительно "читает каким-то гробовым голосом", - подтверждает другой, добавляя, впрочем, что к некоторым стихам это очень шло (например, "Еду ли ночью по улице темной..."). Л. Ф. Пантелеев рассказывает, что эта его манера имела своих подражателей; в некоторых тогдашних кружках молодежь читала стихи "а-ля Некрасов".

Вместо объявленного "Филантропа" Некрасов неожиданно прочел стихотворение "Блажен незлобивый поэт", затем "Еду ли ночью...", - и на этом закончил. Но зал шумно требовал "Филантропа". Тогда Некрасов вышел и сказал, что читать больше не может, сославшись на "слабость груди". Публике легко было поверить, что ему трудно читать. Из зала раздались крики "браво".

Публика не знала, что в это утро Некрасов получил письмо от князя Владимира Федоровича Одоевского; узнав из газет о предстоящем вечере, он поспешил напомнить Некрасову, что считает себя изображенным в стихотворении "Филантроп", и просил не давать публике новый повод для пересудов и догадок. Как же обстояло дело в действительности?

Еще в 1853 году Некрасов написал стихи, в которых изобразил бедняка-чиновника, решившего обратиться за помощью к некоему сиятельному благотворителю. Известно, чем кончилась эта попытка: благотворитель затопал ногами и велел прогнать прочь чиновника, так как принял его за пьяного. Ситуация чисто гоголевская, напоминающая и визит капитана Копейкина к генерал-аншефу, и разнос Акакия Акакиевича "значительным лицом". Но Некрасов, прирожденный сатирик, обострил эту ситуацию, связав ее с некоторыми новыми чертами времени.

В одном из вариантов "Филантропа" говорится:

Бедных петербургских жителей,
Стариков, сирот и вдов
Общество благотворителей
Приняло под свой покров.

Общество это не было выдуманно сатириком, оно действительно существовало в Петербурге под названием "Общество посещения бедных". Членами его были многие высокопоставленные лица, видные сановники, некоторые столичные литераторы, в том числе (с 1851 года) и сам Некрасов. Председателем же был князь Одоевский, известный писатель, музыкальный критик. В 30-х годах о его повестях высоко отзывался Белинский.

Некрасов очень быстро оценил показной характер великосветского благотворительства, - филантропия была одним из проявлений столь ненавистного ему либерализма, входившего в моду "народолюбия". Поэтому в благотворительной деятельности он увидел отличный материал для сатиры и написал язвительные стихи, где образу "главного" филантропа вольно или невольно придал некоторые черты председателя общества. Едва ли он старался обличить или обидеть именно Одоевского. Просто в соответствии со своей творческой манерой идти от

реальных фактов к художественному образу поэт использовал некоторые приметы известного ему лица для придания большей убедительности, жизненной конкретности своему персонажу. Так, он упомянул о его "ангельски-незлобном" сердце, о его "сиятельном" титуле, о его склонности к писанию научно-популярных статей и книжек:

Продавал в большом количестве
Их дешевле пятака,
Вразумить об электричестве
В них стараясь мужика.

Все это отдавало явной иронией и в то же время напоминало князя Одоевского; не потому ли Некрасов и не печатал свое стихотворение несколько лет - только в 1856 году оно появилось в "Современнике" (в смягченном цензурой виде), а затем тогда же вошло в некрасовский сборник. Одоевский промолчал. Но он не выдержал, когда спустя пять лет узнал, что "Филантроп" будет прочитан публично. Он открыл имевшийся у него сборник, перечитал стихи и пришел в ужас. Это было за несколько часов до начала вечера в Пассаже. Одоевский убедил себя, что именно он изображен в этих стихах; при этом его особенно поразили те строки, которые, безусловно, к нему не относились. Такова сцена, где чиновник-проситель рассказывает, как он явился к "сиятельному лицу", как от волнения забыл приготовленную речь, пустился в слезы и не мог объяснить, зачем пришел:

Все такие обстоятельства
И в мундиришке изъян
Привели его сиятельство
К заключенью, что я пьян.
Экзекутора, холопа ли
Попрекнули, что пустил,
И ногами так затопали...
Я лишился чувств и сил!
Жаль, одним не осчастливили -
Сами не дали пинка...
Пьяницу с почетом вывели
Два огромных гайдука...

Затем Одоевский с огорчением прочел рассуждение о тех, кто, несмотря на свой добрый нрав, судит о людях по наружности ("неказист - так и неправ!"). А в заключение о них же говорилось так:

Пишут, как бы свет весь заново
К общей пользе изменять,
А голодного от пьяного
Не умеют отличить...

Одоевский тут же сел писать Некрасову свои возражения: у него нет гайдуков, а есть инвалид-сторож, который топит печи; у него нет приемной, а есть только каморка возле кабинета; он не кричит и не топает ногами, тем более что ноги болят; наконец, он уверен, что может безошибочно отличить голодного от пьяного...

Но Некрасов и не думал приписывать лично Одоевскому все, что так его задело. Он, разумеется, знал, что Одоевский не мог топтать ногами на бедных просителей, что он имел доброе сердце и был движим лучшими намерениями, когда писал "для мужиков" популярные брошюры по физике и химии. К тому же он старательно исполнял и свои обязанности председателя Общества посещения бедных, считая, что за это ему "многое простится на том свете" (так он писал Некрасову). Но Одоевский не понимал того, что понял Некрасов: филантропия бессильна в борьбе с бедностью как социальным злом, она не более чем развлечение для богатых и сытых и порой оскорбительна для бедных. А поняв это, Некрасов уже не жалел красок для изображения и разоблачения своего "филантропа", ему важно было прежде всего запечатлеть типическую фигуру этого рода. Вот почему ему пригодились и деятельность петербургского благотворительного общества, и воспоминание о давней встрече

с Далем: оказывается, еще во времена подготовки "Петербургского сборника" он принял плохо одетого и сконфуженного Некрасова за пьяницу. К тому же известно, что, работая над текстом стихотворения, Некрасов в новых его редакциях все дальше отходил от портретности в изображении своего персонажа. Таким образом, он не слишком покривил душой, когда в ответном письме заверил Одоевского: "Я решительно не имел в виду Вас". И тут же пообещал ему, что не будет читать "Филантропа" на вечере - это могло бы дать публике "повод к разным глупым толкам". А чтобы окончательно успокоить Одоевского, он сказал о своем стихотворении так: "... Я вывел черту Современного общества - и совесть моя была и остается спокойна".

Да, он обладал умением едва ли не в каждом стихотворении вывести ту или иную "черту современного общества", отдельный частный факт или случай поднять до широкого обобщения. Что же касается столкновения с Одоевским вокруг "Филантропа", то, несмотря на предельную вежливость с обеих сторон, по сути своей оно было одним из проявлений все обострявшейся борьбы Некрасова с дворянским либерализмом.

* * *

В январе Одоевский просил, чтобы Некрасов не читал на литературном вечере свое стихотворение, а в феврале Тургенев попросил его не печатать в "Современнике" статьи Добролюбова (о романе "Накануне"): "Убедительно тебя прошу, милый Некрасов, не печатать этой статьи: она кроме неприятностей ничего мне наделать не может, она несправедлива и резка - я не буду знать, куда деться, если она напечатается..." (около 20 февраля 1860 года). Эту записку Тургенев послал Некрасову после того, как прочел корректуру статьи "Когда же придет настоящий день?", предназначенной для мартовского номера журнала.

Но если Некрасов легко согласился удовлетворить просьбу Одоевского (стихотворение "Филантроп" было уже дважды напечатано), то выполнить вторую просьбу он не мог, хотя отказывать Тургеневу было для него неизмеримо труднее.

Вот как разворачивались события. Еще в 1859 году Тургенев заявил о своем охлаждении к "Современнику" и его редактору тем, что отдал роман "Накануне" в "Русский вестник" Каткова. Добролюбов написал статью об этом романе, одну из самых блистательных своих статей, в которой не только проанализировал роман, отдав должное его автору, но и сделал из этого анализа революционные выводы. Это вполне отвечало программе "Современника", который в 1860 году твердо занял революционно-демократические позиции.

Статья Добролюбова вызвала настоящий переполох. Революционные призывы в ней были почти не зашифрованы. Критик доказывал, что русское общество нуждается в деятелях и героях, бесстрашных борцах, русских Инсаровых. С кем они будут бороться? - спрашивал Добролюбов. Ведь Россия - не Болгария, захваченная турками, русский народ свободен от поработителей внешних. И отвечал на это: "Но разве мало у нас врагов внутренних? Разве не нужна борьба с ними, и разве не требуется героизма для этой борьбы?"

Даже цензор Бекетов, снова приставленный к некрасовскому журналу, не мог скрыть своего удивления перед силой мыслей, выраженных в статье Добролюбова. "Критика такая, каких давно никто не читал, и напоминает Белинского", - писал он в записке, обращенной к автору статьи, но тут же разъяснял, что пропустить ее в печать "решительно нет возможности". Если бы статью разрешить, писал далее Бекетов, она "обратила бы внимание на бесподобного Ивана Сергеевича, да не поздоровилось бы и другим, в том числе и слуге вашему покорному".

После этого Бекетов вычеркнул половину текста, а затем рассказал самому Тургеневу, какого рода статья готовится о нем в "Современнике". Узнав об этом, Некрасов счел нужным познакомить автора "Накануне" как старого друга и сотрудника журнала со статьей о нем, предварительно несколько ее сократив и смягчив ("иначе нельзя, по моему мнению"). Тургенев, напуганный уже Бекетовым, прочитал статью и пришел в ужас: он понял, как далеко зашел Добролюбов в своих суждениях о "русских Инсаровых" и в мечтах о борьбе против "внутренних турок". Тогда-то он и написал записку Некрасову, умоляя не печатать статью, которая может принести ему неприятности как автору романа, давшего повод для резкостей. Добролюбова.

Некрасов был в крайнем затруднении. Сначала согласно воспоминаниям Панаевой он попробовал склонить Добролюбова к некоторым уступкам. Для этого в качестве "парламентера" к нему была направлена Авдотья Яковлевна. Узнав, в чем дело, Добролюбов рассердился и сказал:

- Я выведу Некрасова из затруднительного положения; я сам не желаю быть сотрудником журнала, если мне нужно подлаживаться к авторам, о произведениях которых я пишу...

Тогда Некрасову ничего не оставалось, как сделать выбор между Тургеневым и Добролюбовым. И он сделал этот выбор уже без колебаний. Статья была напечатана в ближайшем номере "Современника" (№3), правда, в переделанном виде и под ничего не говорящим названием "Новая повесть г. Тургенева". Но и в таком виде статья оказала немалое влияние на умы молодых поколений. "В ней есть сила приподымающая", - писал один из современников. "Переделки", внесенные автором, кое-как удовлетворили цензуру, но не могли успокоить Тургенева. Он не хотел замечать, что критик высоко отзывался о его реалистическом мастерстве, указывал на общественную актуальность его сочинения {Впоследствии Тургенев изменил свое мнение и о Добролюбове, и о его статье: в 1880 году он назвал ее "самой выдающейся" среди многих откликов на роман "Накануне"}. Писатель, кроме того, чувствовал себя глубоко уязвленным принципиальностью Некрасова, не пожелавшего уважить его просьбу, несмотря на старую дружбу. Да еще и некоторые друзья подталкивали его к разрыву с Некрасовым, старались опорочить того в глазах писателя.

Анненков, встретив в театре Панаева, накинулся на него с упреками в черной неблагодарности по отношению к Тургеневу, уверяя, что только ему Панаев и Некрасов обязаны успехом журнала, что они осрамили себя, позволив "ехидному мальчишке" писать "ругательные статьи" о Тургеневе. Вероятно, и другие друзья писателя, легко поддававшегося их влиянию, думали так же и внушали ему нечто подобное.

Все это привело к тому, что Тургенев вскоре отказался от дальнейшего участия в "Современнике".

Некрасову нелегко дался разрыв с Тургеневым. Рука об руку они вместе на протяжении многих лет создавали лучший русский журнал. Они были близкими друзьями. Некрасов привык слушать литературные мнения и советы Тургенева, делиться с ним всем решительно, начиная от личных неурядиц и кончая делами охотничьими. И вот Тургенев стал врагом. Горестные строки вырвались после этого у Некрасова:

... одинокий, потерянный,
Я как в пустыне стою,
Гордо не кличет мой голос уверенный
Душу родную мою.
Нет ее в мире. Те дни миновались,
Как на призывы мои
Чуткие сердцем друзья отзывались,
Слышалось слово любви...

В глубине души он еще продолжал надеяться, что разрыв Тургенева с "Современником", может быть, окажется временным и не повлияет на их взаимную привязанность. Но он ошибался. Конфликт носил не только личный характер - за ним стояли определенные исторические противоречия, следствием которых было обострение идейной борьбы и в самом "Современнике", и за его пределами.

Кроме того, Некрасов, может быть, не ясно себе представлял, что среди литераторов, окружавших Тургенева, он уже давно прослыл "отступником", его возненавидели как человека, который долго считался в этом кругу своим (между прочим, и по возрасту), а потом будто бы пренебрег старыми отношениями и перебежал на сторону "мальчишек". Именно таким мнением можно объяснить и особую озлобленность бывших приятелей, и множество разных домыслов и сплетен, пущенных в действие, чтобы очернить недавнего союзника.

Как же складывались дальше отношения Некрасова с Тургеневым? Еще некоторое время Некрасов думал о примирении; об этом свидетельствует прежде всего объявление об издании "Современника" в 1861 году, подписанное Панаевым и Некрасовым. Такие ежегодные объявления обычно печатались в "Современнике" в октябрьском номере предыдущего года (писавшиеся преимущественно Некрасовым, они представляют огромный интерес и для истории "Современника", и для изучения журналистских приемов его редактора, умевшего вступать в непосредственный контакт с читателями, информировать их о направлении журнала и намерениях редакции). В объявлении, появившемся в октябре 1860 года, имя Тургенева еще было названо среди писателей, обещавших свои повести журналу. Но тогда же Тургенев, еще больше раздраженный некоторыми выпадами "Современника" по его адресу, послал письмо на имя Панаева с просьбой не считать его сотрудником: "Хотя... по вашим отзывам обо мне, я должен предполагать, что я вам более не нужен, однако, для верности, прошу тебя не помещать моего имени в числе ваших сотрудников" (1 октября 1860 года).

Это письмо, кажется, не дошло до Некрасова. Во всяком случае, спустя три месяца он в письме к Добролюбову, уехавшему лечиться за границу, снова выразил надежду на возвращение Тургенева. Объясняя его уход во многом влиянием "приятелей", Некрасов хотел заранее предупредить Добролюбова о своей тактике: если не задевать Тургенева в критическом отделе, то он не выдержит долго и вернется. Некрасов писал: "Что Тургенев на всех нас сердится, это неудивительно - его подбивают приятели, а он-таки способен смотреть чужими глазами. Вы его, однако, не задевайте, он ни в чем не выдерживает долго - и придет еще к нам (если уж очень больно не укусим), а в этом-то и будет Ваше торжество, да и лично мне не хотелось бы, чтоб в "Современнике" его трогали" (1 января 1861 года).

Еще в конце апреля 1860 года Тургенев уехал за границу. Переписка его с Некрасовым, такая давняя и постоянная, теперь, естественно, оборвалась. Некрасов долго крепился, потом не выдержал и написал первым. Письмо свое он начал с прямого признания: "Любезный Тургенев, желание услышать от тебя слово, писать к тебе у меня, наконец, дошло до тоски..." Дальше он пытался растолковать причину конфликта, указал на его принципиальный характер и опять упомянул о неблагоприятной роли "приятелей": "Не могу думать, чтоб ты сердился на меня за то, что в "Современнике" появлялись вещи, которые могли тебе не нравиться... Ты мог рассердиться за приятелей и, может быть, иногда за принцип - и это чувство, скажу откровенно, могло быть несколько поддержано и усилено иными из друзей, - что ж, ты, может быть, и прав. Но я тут не виноват; поставь себя, на мое место, ты увидишь, что с такими людьми, как Чернышевский и Добролюбов (людьми честными и самостоятельными, что бы ты ни думал и как бы сами они иногда ни промахивались), - сам бы ты так же действовал, т. е. давал бы им свободу высказаться на их собственный страх" (15 января 1861 года).

Это письмо очень важно. Из него явствует, что при всей своей любви к Тургеневу Некрасов не собирался пожертвовать теми, кого тот считал своими главными идейными противниками (он был уверен, например, что Добролюбов собирался его "съесть живым"). Больше того, редактор "Современника" настойчиво подчеркивал и честность и самостоятельность своих соратников, отвечающих за направление критики в журнале.

Тургенев встретил все это без удовольствия. Он ответил из Парижа на письмо своего бывшего друга, но ответ его не сохранился; можно думать, что он был холодным и недоброжелательным. Точно мы знаем только одно - со слов самого Тургенева известно, что он сообщил Некрасову свое "твердое решение" не участвовать более в "Современнике". Некрасов откликнулся на это небольшим письмом, в конце которого были такие слова: "... Я на этом останавливаюсь, оставаясь попрежнему любящим тебя человеком, благодарным тебе за многое. Само собою разумеется, что это ни к чему тебя не обязывает. Будь здоров" (5 апреля 1861 года).

Это было последнее из известных нам писем к Тургеневу.

У Некрасова есть стихотворение, озаглавленное "Тургеневу". Оно начинается словами "Мы вышли вместе...". История этих стихов сложна и не вполне выяснена; они написаны после конфликта, но точная дата их написания неизвестна. Некоторые строфы ранней редакции, возможно, относятся к Герцену. Однако основное содержание стихов, несомненно, обращено

именно к Тургеневу. Некрасов с прежним уважением говорит о своем друге, о его труде писателя-гражданина:

В великом сердце ты носил
Великую заботу,
Ты как поденщик выходил
До солнца на работу.

Во лжи дремать ты не давал,
Клеймя и проклиная,
И маску дерзостно срывал
С глупца и негодяя.

Но это вчерашний день. Сегодня перед лицом более сложного времени писатель отступил от своих позиций; оказался равнодушен "и к свисту буйного бича, и к ропоту народа". В стихах говорится об этом так:

И что же? Луч едва блеснул
Сомнительного света,
Молва гласит, что ты задул
Свой факел... ждешь рассвета.

Некоторые строки стихотворения позволяют догадываться, что в них отразились толки об "Отцах и детях", романе, который в условиях разрыва с Тургеневым тогда воспринимался как его ответ "Современнику" и всему молодому поколению. В этом духе можно расшифровать следующую строфу стихотворения:

Щадишь ты важного глупца,
Безвредного ласкаешь
И на идущих до конца
Походы замышляешь.

Несколько упрощая смысл этих стихов, все-таки можно предположить, что в первых двух строчках подразумевались братья Кирсановы (Павел Петрович и Николай Петрович), а в третьей дан намек на Базарова, вернее на тех, кого писатель якобы имел в виду, изображая нигилиста и материалиста. Под "идущими до конца" Некрасов, конечно, разумел людей типа Добролюбова, полагая, что именно против них собирался ополчиться Тургенев. Во всяком случае, известные основания для такого понимания этих стихов дает пометка, сделанная в конце жизни самим Некрасовым: "Писано собственно в 1860 году, к которому и относится {То есть относится по содержанию. Впрочем, есть основания датировать стихотворение (или одну из его редакций) 1861 годов.}, когда разнесся слух, что Тургенев написал "Отцов и детей" и вывел там Добролюбова".

Может быть, еще более важной частью стихотворения надо признать его последние строфы. Они содержат призыв вернуться на "тернистый путь", идти в огонь "за страждущего брата". И конечно, они обращены не только к Тургеневу. А может быть, и совсем не к Тургеневу?

Непримиримый враг цепей
И верный друг народа,
До дна святую чашу пей,
На дне ее - свобода!

"Святая чаша", "святое дело" - условные символические обозначения революции в стихах и публицистики 60-х годов. Например, у Добролюбова в стихотворении "Еще работы в жизни много":

Но знаю я, - дорога наша
Уж пилигримов новых ждет,

И не минет святая чаша
Всех, кто ее не оттолкнет.

Сопоставления эти наводят на размышления: о Тургеневе ли думал поэт, когда призывал в своих стихах к борьбе за свободу и упомянул о неизбежных жертвах этой борьбы? Может быть, более широкий смысл вложил он последние строфы стихотворения "Тургеневу"? (Оно осталось не напечатанным при жизни автора.)

После окончательной размолвки судьба столкнула бывших друзей только раз (если не считать предсмертного для Некрасова свидания): в начале июня 1862 года они встретились случайно в вагоне и вместе ехали до Москвы. Об этом мы узнаем уже из писем Тургенева. В одном письме (М. А. Маркович) он рассказывал: "Мне из Петербурга до Москвы пришлось ехать с Некрасовым, и оба мы, как Ноздрев и его товарищи - ничего {Тургенев, имеет в виду четвертую главу "Мертвых душ", где Ноздрев "как ни в чем не бывало" встречается с побившими его приятелями-картежниками.}, говорили, смеялись, - но бездна так и осталась между нами, - и слава богу" (4 июня 1862 года).

В другом письме (П. В. Анненкову) он повторил: "Вообразите себе - я совершил переезд из Петербурга в Москву с Некрасовым. Мы разговаривали очень любезно, но мало и безучастно; ему словно было совестно - но для меня он давно перестал существовать" (8 июня 1862 года).

* * *

Некрасову, привыкшему ежегодно сообщать читателям "Современника" о переменах внутри редакции, о планах и направлении журнала, предстояло объявить печатно об уходе сотрудников беллетристического отдела, то есть прежде всего Тургенева. Он и сделал это в объявлении об издании журнала в следующем, 1862 году. Некрасов указал, что отношение редакции к некоторым писателям изменилось; читатели с интересом встречали их произведения в журнале, но это было в прежнее время, когда общественные направления еще "не обозначились так ясно".

Затем как бы подводился итог той борьбе между направлениями, которая расколола редакцию "Современника" и привела к уходу части писателей: "Сожалея об утрате их сотрудничества, редакция, однако же, не хотела, в надежде на будущие прекрасные труды их, пожертвовать основными идеями издания, которые кажутся ей справедливыми и честными и служение которым привлекает и будет привлекать к ней новых, свежих деятелей и новые сочувствия, между тем как деятели, хотя и талантливые, но остановившиеся на прежнем направлении, - именно потому, что не хотят признать новых требований жизни, - сами себя лишают своей силы и охлаждают прежние к ним сочувствия". Надо отдать должное Некрасову: в этих словах он очень определенно сказал о самой сути дела - об истинных причинах расхождения с Тургеневым. Под "будущими прекрасными трудами" скорее всего подразумевался роман "Отцы и дети", о котором уже много говорили. И сам Тургенев сразу понял, в кого метит объявление "Современника". С нескрываемой обидой писатель жаловался Герцену: "В программах своих они утверждают, что они отказали мне, яко отсталому" (30 января 1862 года).

Конечно, Тургенева не могла устроить роль деятеля, "остановившегося на прежнем направлении". И он начал энергично отрицать идейный характер конфликта с некрасовским журналом. Ему казалось, что все гораздо проще - на него нападали "мальчишки", сумевшие завладеть симпатиями Некрасова, он не дал ему свой новый роман, журнал стал ему мстить, вот и все. Поведение Некрасова было особенно непонятно: с одной стороны признается в любви и дружбе, с другой - грубо ее попирает, заявляя в печати, что сохранить старых и прославленных сотрудников значило бы пожертвовать честными идеями издания...

Вскоре подлила еще масла в огонь полемика вокруг появившегося в начале 1862 года романа "Отцы и дети"; резко критическую статью М. Антоновича "Асмодей нашего времени", опубликованную "Современником", при всех ее слабых сторонах, нельзя, не поставить в связь с историей разрыва Тургенева с "Современником".

Тургенев в крайнем раздражении стал с этого времени открытым гонителем Некрасова. Он напечатал в "Северной пчеле" (1862, К334) письмо в редакцию, в котором кратко описал историю своего отчуждения от "Современника", пытаясь доказать, что эта история была далека от каких-либо идейных побуждений: "Увы! г. Некрасов не принес меня в жертву своим убеждениям... Мне сдается, что в течение всей карьеры г. Некрасов был гораздо менее жрецом, чем предполагает г. А. Ю." (то есть фельетонист "Северной пчелы", с которым спорит Тургенев).

Помимо намеков такого рода, Тургенев не удержался и от выпадов личного характера, он использовал для этого даже последние письма к нему Некрасова, содержавшие откровенные признания в дружеских чувствах. В искренности этих признаний трудно было усомниться.

До Некрасова доходили слухи, что Тургенев начал обвинять его в денежной нечистоплотности, имея в виду уже законченное "огаревское дело". Эти слухи тяжелым камнем ложились на репутацию поэта, тем более что они распространялись довольно широко. Особенно было непереносимо, что их источником часто являлись не "чужие", а "свои". Герцену принадлежат злые выпады в "Колоколе" против Некрасова. Николай Успенский, "открытый" и обласканный редактором "Современника", пустил в ход фантастическую версию о будто бы проигранных за границей чужих деньгах.

Когда Некрасов узнавал о таких обвинениях, у него, по словам Панаевой, "разливалась желчь", он не выходил из дому, никого не принимал, ничего не ел и только до изнеможения ходил по кабинету из угла в угол.

Некрасов обычно молчал, когда дело касалось его лично; он не имел привычки опровергать, доказывать. Может быть, только раз он не выдержал, написал стихи о том, что накопело, и даже прочел их публично. Мы знаем об этом со слов одного современника. Однажды в зале Дворянского собрания был устроен вечер с благотворительной целью; выступали известные писатели, каждого из них публика восторженно приветствовала. Но вот вышел на эстраду Некрасов, - зал встретил его гробовым молчанием, "Возмутительная клевета, обвившаяся вокруг славного имени Некрасова, очевидно, делала свое дело". Он начал читать своим негромким хрипловатым голосом:

Что ты, сердце мое, расхотелось?..
Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла-прокатилась
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! Пусть растет, прибавляется,
Не тужи! как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
Добрый словцом.

Что произошло после того, как прозвучало последнее слово, не поддается описанию. По словам того же мемуариста, "вся публика, как один человек, встала и начала бешено аплодировать. Но Некрасов ни разу не вышел на эти поздние овации легковой толпы".

Переменив свое отношение к Некрасову, Тургенев стал иначе относиться и к некрасовским стихам. Удивительную несправедливость его отзывов нельзя обойти молчанием хотя бы потому, что эти отзывы, иногда предназначенные для печати, иногда же заключенные в письмах, испортили много крови Некрасову, принесли ему немало горьких минут. Известно, например, письмо, в котором Тургенев рассказывает, как он пробовал перечитать сборник некрасовских стихов. И вот заключение. "... Нет! Поэзия и не ночевала тут - бросил я в угол это жеваное папье-маше с поливкой из острой водки" (13 января 1868 года).

Забыв о своих прежних суждениях, иногда более чем положительных, Тургенев писал: "Я всегда был одного мнения о его сочинениях, и он это знает". В печати он высказывался столь же непримиримо и в том же духе. Так, в рецензии на сочинения Я. Полонского Тургенев демонстративно поставил его выше Некрасова: "... я убежден, что любители русской

словесности будут перечитывать лучшие стихотворения Полонского, когда самое имя г. Некрасова покроется забвением. Почему же это? А просто потому, что в деле поэзии живуча только одна поэзия и что в белыми нитками сшитых, всякими пряностями приправленных, мучительно высиженных измышлениях "скорбной" музыки г. Некрасова - ее-то, поэзии-то, и нет на грош". Это было настолько несправедливо, что сам Полонский был удивлен этими выпадами и сравнениями. Он писал Некрасову; "Отзыв И. С. Тургенева о стихах Ваших глубоко огорчил меня".

Нельзя думать, что враждебность к личности Некрасова, ослепившая его бывшего друга, питала эти беспощадные поношения "скорбной музыки". Конечно, важнейшую роль играли тут особенности зрелой поэзии Некрасова: Тургеневу претил ее крепнувший демократизм, он не принимал ее сатирической остроты ("пряности"!) и революционной патетики. А уж тон и категоричность суждений определялись отношением к самому поэту.

Известно, что после относительного примирения, после последнего свидания с умирающим Некрасовым Тургенев высказывал иные, положительные, суждения о его поэзии.